

Автор перевода: Веторм

**Стивен Кинг, Оуэн Кинг
Спящие красавицы**

1

Ри спросила у Джинетт, наблюдала ли та когда-нибудь за квадратом света, падающим из окна. Джинетт ответила, что нет. Ри занимала верхнюю койку, а Джинетт – нижнюю. Сейчас они обе дожидались, когда откроют камеру и выпустят их на завтрак. Настало еще одно утро.

Похоже, сокамерница Джинетт тщательно изучила движение квадрата. Ри сообщила, что квадрат появляется на стене напротив окна, соскальзывает вниз-вниз-вниз, затем перемещается по поверхности стола и, наконец, оказывается на полу. Как Джинетт могла теперь убедиться, он расположился точно по центру помещения, яркий до рези в глазах.

- Ри, – сказала Джинетт, – меня вообще не волнует этот квадрат света.

- Я и не говорила, что квадрат света должен тебя волновать! – загоготала Ри, выражая тем самым радость.

- Ладно, – сказала Джинетт, – что бы это, черт возьми, не значило.

Ее сокамерница загоготала еще громче.

Ри была нормальной, но до тех пор, пока не впадала в беспокойство из-за тишины, тогда она начинала вести себя как ребенок. Ри отбывала срок за кредитное мошенничество, подлог и хранение наркотиков с целью сбыта. Ни в одном из занятий, из-за которых она загремела за решетку, она не преуспела.

Джинетт сидела за убийство; зимней ночью 2005-го она всадила клатч-отвертку в пах своего мужа Дамиана, и поскольку он был под кайфом, то просто остался сидеть в кресле, истекая кровью. Естественно, она тоже была под кайфом.

- Я следила за временем, – продолжила Ри. – И все рассчитала. Свет перемещается от окна до этого места на полу за двадцать две минуты.

- Тебе стоит обратиться в книгу рекордов Гиннеса. – Сказала Джинетт.

- Прошлой ночью я видела во сне, как ела шоколадный торт с Мишель Обамой, и она поддела меня: «Ты растолстеешь от этого, Ри!». Но она сама тоже ела торт.

Ри гоготнула:

- Бред! Я выдумала это. На самом деле я видела во сне нашу учительницу. Она настаивала, что я попала не в тот класс, а я убеждала ее в обратном. Потом она говорит мне: «Хорошо», проходит какое-то время, и она снова повторяет, что я не в том классе, а я говорю: «Нет, я в нужном классе», и так раз за разом. Это был самый невыносимый из всех моих снов. А тебе что снилось, Джинетт?

- Ну... - Джинетт попыталась вспомнить, но не сумела.

Похоже, ее новое лекарство затуманивало сны. Раньше она иногда видела в кошмарах Дамиана. В них он обычно выглядел так, как на следующее утро после смерти, его кожа была синей, словно по венам разлились жидкие чернила.

Джинетт как-то спросила доктора Норкросса, не считает ли он, что подобные сны - это отражение ее чувства вины. Доктор покосился на нее одним из тех *ты-черт-возьми-серьезно* взглядов, которые выводили ее из себя, однако она выдержала его, и тогда доктор задал встречный вопрос: висят ли уши у кроликов по ее мнению. Да уж. Тут все ясно. В любом случае, Джинетт не страдала от отсутствия тех снов.

- Прости, Ри. Я не помню. Даже если что-то и снилось, то уже стерлось из памяти.

Где-то в коридоре второго этажа блока Б раздался звук шагов по цементному полу: офицер совершал последнюю проверку перед тем, как открыть двери.

Джинетт закрыла глаза. Она придумывала сон. В нем тюрьма превратилась в руины. Густые лианы карабкались по древним стенам камеры и чуть колыхались от весеннего бриза. Потолок, изъеденный временем, на половину обвалился, так что от него остался лишь выступ. Пара крохотных ящерок прошмыгнула по куче заржавевших обломков. Бабочки кружились в воздухе. Тяжелые запахи земли и листьев витали над тем, что осталось от камеры. Бобби был поражен, стоя рядом с ней и заглядывая через дыру в стене. Его мама была археологом. Она открыла это место.

- Думаешь, тебя пригласят на телевикторину, раз у тебя есть уголовная судимость?

Видение распалось. Джинетт издала стон. Пока длился сон, в нем было приятно находиться. Таблетки определенно улучшали жизнь. Она отыскала тихое, спокойное местечко. Надо отдать доктору должное, с химией жить становилось лучше. Джинетт снова открыла глаза.

Ри вытаращилась на Джинетт. В защиту тюрьмы мало что можно сказать, но для таких как Ри, очевидно, безопаснее было находиться внутри нее. За ее пределами, она, вероятнее всего, попала бы под машину. Или продала бы дурь агенту по борьбе с наркотиками, который выглядел не иначе как агент. Что она и сделала.

- Что с тобой? - спросила Ри.

- Ничего. Я только что побывала в раю, всего-то, а твой длинный язык все испортил.

- Чего?

- Не бери в голову. Слушай, я думаю, что должна существовать телевизионная игра, в которую можно играть только если у тебя есть уголовная судимость. Мы могли бы назвать ее «Ложь за призы».

- Мне очень нравится идея! И что это была бы за игра? Джинетт села, зевнула и пожала плечами:

- Надо поразмыслить над этим. Придумать правила, знаешь ли.

Их извечный дом да пребудет ныне, присно и во веки веков, аминь.

Камера была десять шагов в длину и четыре шага между койками и дверью. Стены из гладкого цемента, цвета овсяной каши. Закрученные по краям фотоснимки и открытки (в небольшом количестве, поскольку никого они не интересовали), собранные в одном утвержденном месте, держались на полосках зеленой липкой ленты. Возле одной стены был установлен металлический столик, а возле противоположной - небольшой стеллаж. Слева от двери располагался стальной туалет, где им приходилось сидеть на корточках и отворачиваться, чтобы создать хоть какую-то иллюзию уединенности. Через окошко с двойным остеклением, расположенное на двери камеры на уровне глаз, просматривался короткий коридор, который тянулся вдоль блока Б. Каждый дюйм и предмет внутри камеры был пропитан всепроникающими ароматами тюрьмы: потом, плесенью и лизолом (дезинфицирующим средством).

Помимо воли Джинетт наконец заметила квадрат солнечного света между койками. Он находился почти у двери - дальше ведь некуда было двигаться, верно? Пока

не повернется ключ в замке либо пока дверь не откроют из Будки, он здесь пойман в ловушку, как и они.

- И кто будет ведущим? - спросила Ри. - В каждой викторине должен быть ведущий. И еще, какие призы? Призы должны быть хорошими. Детали! Нам надо уточнить детали, Джинетт.

Подперев голову, Ри накручивала на палец упругий обесцвеченный локон и поглядывала на Джинетт. Чуть ниже линии волос у Ри тянулся шрам, напоминающий след от гриля - три глубоких параллельных линии. Хотя Джинетт не знала, как шрам появился, она могла догадаться, кто оставил его - мужчина.

Возможно, ее отец, возможно, брат, возможно, бойфренд или вовсе парень, которого она не видела никогда раньше и не увидит в дальнейшем. Среди заключенных женской исправительной колонии Дулинга, очень мало, мягко говоря, рассказывали о победителях. Зато хватало историй о плохих парнях.

Что ты могла сделать? Ты могла жалеть себя. Ты могла ненавидеть себя или всех вокруг. Ты могла ловить кайф, нюхая чистящие средства. Ты могла делать что угодно (разумеется, в пределах твоих ограниченных возможностей), ситуация все равно не изменилась бы. Следующая возможность повернуть огромное сияющее Колесо Фортуны выпадет не раньше нового слушания по досрочному освобождению. Джинетт собиралась подтолкнуть его настолько, насколько хватит сил. Ей нужно было думать о сыне.

Раздался оглушительный грохот, когда офицер в Будке открыл шестьдесят два замка. Было 6:30 утра, все заключенные выходили из камер на перекличку.

- Не знаю, Ри. Подумай об этом. - Сказала Джинетт. - Я тоже подумаю, и потом мы обменяемся мнениями.

Она свесила ноги с койки и встала.

2

В нескольких милях от тюрьмы, на террасе дома Норкроссов, парень по имени Антон вычищал бассейн отдохлых насекомых. Доктор Клинтон Норкросс подарил бассейн на десятую годовщину свадьбы своей жене, Лиле. Взгляд Антона частенько заставлял Клинта усомниться в правильности подарка. Это утро не стало исключением.

Антон был без рубашки по двум простым причинам. Во-первых, день обещал быть жарким. Во-вторых, он имел

каменный пресс. Он был мускулистым, Антон чистильщик бассейнов; и выглядел точно жеребец с обложки любовного романа. Если бы вам вздумалось выстрелить в живот Антона, то следовало делать это под углом, иначе пуля срикошетила бы. Чем он питался? Горами чистого протеина? Как тренировался? Чистил Авгиевы конюшни?

Антон поднял глаза, улыбаясь из-под мерцающих стекол Вэйфареров (очков). Свободной рукой он помахал Клинту, который наблюдал за ним из окна главной ванной комнаты, расположенной на втором этаже.

- Ох, парень. - Тихо сказал себе Клинт. И помахал в ответ. - Побойся Бога!

Клинт отошел от окна. В зеркале на закрытой двери ванной появилось отражение белого мужчины сорока восьми лет, со степенью бакалавра Корнельского университета и степенью доктора медицины Университета Нью-Йорка, а также с жирком на боках от частого употребления мокки из Старбакса. Борода цвета соли с перцем в какой-то мере делала его похожим на дровосека, но больше сходства он имел с лохматым одноногим морским капитаном.

Свой возраст и дряхлеющее тело Клинт воспринимал с той же иронией, что и любой другой сюрприз. Он никогда не испытывал особого терпения к мужскому самолюбию, особенно у мужчин среднего возраста, а накопленный профессиональный опыт, если на то пошло, и вовсе сводил его на нет. В действительности то, что Клинт считал важным поворотным моментом своей медицинской карьеры, произошло восемнадцать лет назад, в 1999 году, когда предполагаемый пациент по имени Пол Монпелье появился на пороге кабинета молодого врача с «кризисом сексуальных амбиций».

Он спросил тогда у Монпелье:

- Когда вы говорите о «сексуальных амбициях», что вы под этим подразумеваете?

Амбициозные люди стремятся к продвижению. Но не можете же вы стать вице-президентом секса. Это своеобразный эвфемизм.

- Я имею в виду... - казалось, Монпелье подбирал подходящее описание. Наконец нашел и, прочистив горло, сказал: - Мне по-прежнему это нравится. И я все еще хочу заниматься этим.

Клинт заметил:

- Не вижу здесь никаких необычных амбиций. Все в пределах нормы.

Память о стажировке по психиатрии была достаточно свежа, без намеков на дряхлость; это был лишь второй рабочий день Клинта, а Монпелье был его вторым пациентом.

(Первой была девушка-подросток с незначительными страхами по поводу поступления в колледж. Ситуация, впрочем, достаточно быстро прояснилась, девушка набрала 1570 баллов по АОТ (академическому оценочному тесту). Клинт отметил, что это отличный результат, он не видел необходимости в лечении или повторном визите. Исцелена! Так он написал внизу блокнота с желтыми линованными страницами, который использовал для заметок).

Одетый в тот день в белый пуловер и плиссированные брюки, Пол Монпелье устроился напротив Клинта в кресле, обтянутом искусственной кожей. Он сидел, сторбившись, закинув лодыжку одной ноги на колено другой, и придерживал рукой модельную туфлю во время разговора. Клинт видел, как он припарковал ярко-красный спорткар возле приземистого офисного здания. Занимаемая им высокая должность в угольной промышленности сделала возможной покупку данного автомобиля, но его вытянутое, измученное лицо напомнило Клинту о Братьях Гавс, изводивших в старых комиксах Скруджа МакДака.

- Моя жена говорит... ну, не напрямую, конечно, но смысл и так понятен. Хм, по подтексту. Она хочет, чтобы я покончил с этим. Распрощался со своими сексуальными амбициями.

Он дернул подбородком вверх.

Клинт проследил взглядом за его движением. На потолке крутился вентилятор. Если Монпелье отправит туда свои сексуальные амбиции, их наверняка перерубит.

- Давайте вернемся немного назад, Пол. Когда впервые между вами и вашей женой всплыла эта тема? С чего все началось?

- У меня случился роман. Это стало последней каплей. И Рода - моя жена - выгнала меня! Я пытался объяснить, что дело не в ней - понимаете, у меня была потребность. У мужчин есть потребности, которые женщины не всегда понимают. - Монпелье уронил голову на грудь. Он издал вздох разочарования. - Я не хочу разводиться! Какая-то часть меня считает, что ей просто нужно согласиться с этими правилами. Со мной.

Грусть и отчаяние мужчины не были притворными, и Клинт мог представить его боль, вызванную внезапным переездом - каково это жить на чемоданах, питаться водянистыми

омлетами, которые он сам готовил на ужин. Еще не клиническая депрессия, но серьезное расстройство, требующее заботливого отношения и внимания, хотя он сам мог бы справиться с этой ситуацией.

Монпелье перегнулся через свой круглый живот.

- Давайте будем откровенны. Мне уже за пятьдесят, доктор Норкросс. Мои лучшие дни сексуальной жизни прошли. Я посвятил их ей. Отказался от них ради нее. Я менял подгузники. Ездил на все игры и соревнования, я создал для детей сберегательный фонд на высшее образование. Проверял все пункты в анкете о браке. Так почему в этом вопросе мы не можем прийти к согласию? Почему все должно быть так ужасно и вызывать противоречия?

Клинт не ответил, он просто ждал.

- На прошлой неделе я был у Миранды. Это женщина, с которой я сплю. Мы сделали это на кухне. Затем в спальне. Нам даже почти удалось в третий раз в душе. Я был чертовски счастлив! Эндорфины! А потом я поехал домой, и у нас был замечательный семейный ужин, мы играли в скрэббл, и вся семья тоже чувствовала себя прекрасно! Так в чем же проблема? Надуманная проблема, на мой взгляд. Почему у меня не может быть немного свободы? Неужели я так много прошу? Неужели это так оскорбительно?

Какое-то время они оба молчали. Монпелье разглядывал Клинта. Слова одобрения и поддержки всплывали и вертелись в голове Клинта подобно головастикам. Их было достаточно легко поймать, но он по-прежнему хранил молчание.

За спиной его клиента, прислоненная к стене, стояла гравюра Хокни, которую Лила подарила Клинту, чтобы «скрасить это помещение». Он собирался повесить ее позже в тот же день. Помимо гравюры была еще куча не распакованных коробок с медицинскими текстами.

«Кто-то должен прийти на помощь этому человеку, - поймал себя на мысли молодой врач, - в таком же тихом, уютном кабинете наподобие этого».

Но должен ли быть этим человеком Клинт Р. Норкросс, доктор медицины?

В конце концов, он приложил немало усилий, чтобы стать врачом, и тогда не было никакого сберегательного фонда, чтобы помогать ему самому. Он рос в семье со сложным материальным положением и расплачивался за все сам, иногда даже чем-то большим, нежели деньгами. Чтобы пробиться, он совершал такие поступки, о которых никогда не рассказывал жене, и никогда не расскажет. Ради

подобного он все это делал? Чтобы лечить сексуальные амбиции Пола Монпелье?

Широкое лицо Монпелье сморщилось от болезненной гримасы раскаяния.

- О боже! Простите. Я что-то не то говорю?

- Все нормально, - сказал Клинт.

В следующие тридцать минут он сознательно отодвинул свои сомнения в сторону. Они углубились в тему; они рассмотрели ее со всех сторон; они обсудили разницу между желанием и потребностью; они поговорили о миссис Монпелье и ее пуританских (по мнению самого Монпелье) предпочтениях в постели; они даже коснулись более раннего подросткового сексуального опыта Пола Монпелье, когда он мастурбировал, используя пасть плюшевого крокодила своего младшего брата.

Клинт в соответствии со своим профессиональным долгом спросил Монпелье, не появлялись ли у того мысли о членовредительстве. (Нет). Он поинтересовался, как бы Монпелье чувствовал себя, поменявшись ролями с женщиной? (Он утверждал, что позволил бы ей делать, что она хочет). Где Монпелье видит себя через пять лет? (Вот тогда мужчина в белом пуловере заплакал).

В конце сеанса Монпелье сказал, что уже с нетерпением ждет следующего, и как только он ушел, Клинт позвонил в телефонную компанию. Он попросил переадресовывать все его звонки психиатру в соседнем городке Мэйлок. Оператор спросила, как долго.

- Пока в аду не пойдет снег, - ответил Клинт.

Из окна он увидел, как Монпелье возвращается к своему ярко-красному спорткару и выезжает с парковки. Больше они никогда не встречались.

Потом он позвонил Лиле.

- Привет, доктор Норкросс. - Звук ее голоса подарил ему чувство, о котором люди упоминают, говоря, что их «душа поет». Она спросила, как проходит его второй рабочий день.

- Самый бессовестный человек в Америке нанес мне визит, - сообщил он.

- Что? Мой отец был у тебя? Готова спорить, гравюра Хокни смутила его.

Она была остра на язык, его женушка, такая же болтливая, как и страстная, и такая же упрямая. Лила любила его, но она никогда не переставала удивлять его.

**Конкурс на лучший перевод фрагмента первой главы романа Стивена и Оуэна
Кингов *Sleeping Beauties***

Организаторы: сайт "Стивен Кинг.ру - Творчество Стивена Кинга" (<http://www.stephenking.ru>) и
Виктор Вебер

Клинт подумал, что, возможно, ему это и требовалось. Как и многим другим мужчинам.

- Ха-ха, - сказал Клинт. - Слушай, а что за открытие, которое ты упоминала в тюрьме? От кого ты о нем слышала?

Последовала секунда или две молчания, пока его жена обдумывала смысл вопроса. Ответила она своеобразно:

- Клинт, ты что-то хочешь мне рассказать?

Клинт и в мыслях не имел, что решение бросить частную практику ради государственной может расстроить ее. Он был даже уверен, что этого не произойдет.

Спасибо Господу за Лилу.

© Перевод Веторм, 2017